

Михаил Ямпольский.
Живописный гнозис.
 Гриша Брускин, «Алефбет»,
 индивидуальное спасение,
 двоимирие, эсхатон, гнозис

М.: Breus, 2015

Екатерина Лазарева

Книга Михаила Ямпольского стала первой публикацией учрежденной в 2014 году номинации Премии Кандинского «Научная работа. История и теория современного искусства». Ее герой — лауреат той же Премии Кандинского за 2012 год в номинации «Проект года», известный художник и эссеист Гриша Брускин, с которым автора книги связывает многолетняя дружба.

В центре предпринятого Ямпольским анализа — две знаковые серии Брускина «Фундаментальный лексикон» и «Алефбет». Работа из первой серии, с ошеломительным успехом проданная на знаменитом московском аукционе «Сотбис» в 1988 году, обеспечила Брускину международную узнаваемость в качестве художника соц-арта. В свою очередь, вторая серия, знакомая российскому зрителю по выставке 2006 года, помещает его творчество в иной контекст, связанный с традициями еврейской мифологии и мистики. Отмечая структурный изоморфизм двух серий, представляющих собой регулярные «таблицы» с вписанными в ячейки персонажами, Ямпольский подчеркивает их принципиальное различие, для анализа которого он вводит понятие «двоимирия», объясняя его двойной идентично-

стью героя — советского еврея. Опираясь на комментарии, данные к «Алефбету» самим художником, и на сочинения Мартина Бубера, неоднократно художником цитируемые, Ямпольский обращается к традиции еврейского гностицизма, радикально противопоставляя богооставленный мир «Лексикона» индивидуальному спасению гностика в «Алефбете». Если в первом случае мы имеем дело с неопределенным временем Империи, по Карлу Шмитту, сдерживающей наступление Апокалипсиса, с зависанием перед концом истории (хотя и позволяющим различить в своих руинах и обломках видения конца), то во втором перед нами — бунт против истории как прогрессии к грядущим руинам, в форме гнозиса.

Критика истории, как «постоянно возобновляемого бездействия», «обманутого ожидания, когда эсхатон не наступает» (с. 43), по мысли Ямпольского, сближает мистицизм гностиков с концепцией истории Вальтера Беньямина и его понятием «актуального настоящего», привилегированного момента «теперь». Ссылаясь на рассуждения Бубера о еврейском понимании истории, в котором приближающийся апокалипсис не отменяет свободы воли, и центральное понятие поворота в пророческой традиции, Ямпольский в эволюции от «Лексикона» к «Алефбету» усматривает трансформацию исторической темпоральности в мессианскую.

Изображение — Картина — становится тем, что заменяет собой историю, выводя изображенное за пределы времени. Эту трансформацию темпорального во вневременное исследователь замечательно демонстрирует на примере самой техники шпалеры, в которой воплощающая движение времени нить превращается в изображение. Таким образом, в сюжете о «перераспределении исторического в картину» (с. 64) — время как бы скрыто присутствует в картине в виде нитей — художник оказывается вполне уместной фигурой гностического опыта.

Далее исследователь обращается к анализу принципа фигурации образов у Брускина, в основе которой, по свидетельству самого художника, лежит Книга. Возникновение образа из идеального (слова) в процессе фигурации подвергается «непредвиденному» обогащению смыслов. Используя разработанное Ж. Ф. Лиотаром понятие фигурации, Ямпольский вводит различие между аллегорическим характером персонажей «Лексикона» и символической функцией фигур «Алефбета».

1. Гриша Брускин. *Фундаментальный лексикон. Часть II*. 1985
Холст, масло. 220 × 304
Фрагмент. Частное собрание

2. Гриша Брускин. *Алефбет*
2004–2006
Шпалера. 280 × 105. Фрагмент
Частное собрание

Противоположность «лексикона» (словаря с фиксированными значениями) и «алфавита» (набора элементов для бесчисленного числа слов) приводит, по мысли автора, к тяжеловесной определенности (в отсутствие индивидуализма) фигур «Фундаментального лексикона», с одной стороны, и неопределенности режима индивидуации, становления смысла в «Алефбете» — с другой. (Отсюда же и необходимость в авторском комментарии во втором случае.)

Подчеркивая сложность путей фигурации, которая у Брускина связана не с визуализацией мистических описаний, а с перекодированием слова, имени, буквы, исследователь видит в этом перекодировании подобие самому процессу творения из логоса, как он мыслился еврейскими гностиками. Дальнейший анализ фигур воображения в «Алефбете» подводит автора к переосмыслению отношений пер-

сонажей со своими атрибутами через обнаружение скрытых имен и астральных тел (целем), усложняющих отношения образа со словом и приводящих к дефигурации, к «вывиху логики репрезентации», по выражению С. Вебера. Опираясь на буберовское различие категории видения (и пластической фигуративности), реализуемой западной традицией, и категории делания (центробежного движения образа) восточной традиции, исследователь говорит о выходе за рамки культуры репрезентации.

Предпринятый автором анализ ключевых серий художника в контексте еврейского гностицизма и актуальных концепций времени и образа дает убедительный результат, значимый не только в качестве монографического исследования, посвященного Грише Брускину, но методологически обогащающий нашу науку об искусстве.